

1

За окном монотонно барабанил дождь. Казалось, ему не будет конца. Он начался вчера после полудня и до сих пор лил как из ведра. А на ночь глядя усилился ветер. Алиса натянула одеяло на плечи и свернулась калачиком. Ее пробирала дрожь — то ли от холода, то ли от усталости. Полночи она не сомкнула глаз, слушая непрекращающийся шум дождя и проверяя входящие сообщения на телефоне. К утру ей удалось, наконец, задремать, но вскоре она проснулась в холодном поту и принялась вслушиваться в тишину дома. Сердце отчаянно колотилось. Она поднялась с кровати и выглянула в окно, но отсюда могла разглядеть лишь кроны сосен, которые качались и стонали на ветру. Не зажигая свет, она оделась и тихо вышла из домика лесника.

Над ней, громко крича, пронеслись три чайки. Алиса быстро побежала по утопающим в грязи дорожкам к маленькому бистро у паромного терминала. Под ногами хлюпало и хрустело, кроссовки в мгновение ока наполнились водой, дождь нещадно колотил по глубоко надвинутому на голову капюшону худы. Она осторожно приоткрыла ворота, достаточно широко, чтобы проскользнуть внутрь без единого скрипа. Липкими влажными пальцами нащупала под одним из цветочных горшков ключ и тихо открыла дверь. На деревянной доске, висевшей над дверью, было написано *Le Bistro de la Guerite*³.

³ Бистро «Сторожка» (фр.).

Оказавшись в бистро, она поспешно вытащила из угла маленькую газовую плиту. Одной рукой нажала на кнопку розжига, а другой одновременно выкрутила до отказа терморегулятор. Удивительное дело, в этот раз зажглись все три конфорки. Алиса облегченно вздохнула и на несколько секунд застыла перед плитой, наслаждаясь теплом. Затем поставила на огонь кофеварку. Ничего ей сейчас не хотелось так, как чашку свежесваренного горячего кофе. Она надеялась, что дождь и ветер приглушат шум, а то, не дай бог, бульканье и свист кофеварки разбудят Паскаля, который спал в пристройке за стеной бистро. Первым кофе и первой сигаретой она хотела насладиться в тишине и одиночестве — Алиса не любила болтать и еще больше не любила общество людей, которые действовали ей на нервы. А этот Паскаль все больше действовал ей на нервы. Она села с кофе у окна фасада, скрутила самокрутку, зажгла ее и затаилась. Потом немного приоткрыла одно из окон и выдохнула дым наружу. Сейчас это был единственный вариант покурить «на улице». Она вздохнула и снова сильно затаилась. Пора уезжать.

На острове она оказалась, потому что устроилась на лето инструктором по серфингу. И провела здесь долгие солнечные летние месяцы. В первое время Алисе казалось, будто она попала в сказку. Все насущные вопросы и мировые проблемы остались где-то там далеко.

Остров был зеленым и прекрасным, и она часами без усталости бродила по узким тропинкам. Почти ежедневно забиралась на обрывистые скалы и смотрела на море. Когда вечером последний паром увозил толпы туристов, а в крепости медленно стихали крики и болтовня каннских школьников, на острове воцарялась тишина.

И это было действительно чудесно. Она любила плавать в мягком вечернем свете и наблюдать за пикирующими на воду чайками. Невероятно, но всего в паре миль от блеска и суеты Лазурного берега располагался этот маленький, почти девственный кусочек суши, на котором, несмотря на наплыв туристов, практически не ощущался ход времени. И не было инфраструктуры. Только киоск со скудным набором сэндвичей, мороженого и напитков, в котором даже не продавались сувениры, несколько небольших домиков, оживавших лишь на лето, старая крепость, превращенная в музей, и пара павильонов, где защитники природы показывали в больших аквариумах какую-то морскую флору и фауну. Еще на острове стоял дом лесника и, разумеется, *Club Nautique*⁴ — летнее учебное заведение, в котором школьников учили основам парусного спорта и серфинга. Да, и, конечно же, бистро.

Летом Алиса жила в бывших крепостных казармах вместе с другими инструкторами по серфингу и парусному спорту и меняющимися группами детей. Но теперь сезон закончился. Спальни, кухня и столовая *Club Nautique* были закрыты. Яхты вытащили на берег, доски для серфинга сложили в ангаре, а Нико, Жером и Жюльен отправились на большую землю — отдыхать, а потом тренировать горнолыжников. Жером. Ее летнее увлечение. Он уехал, а Алиса захотела остаться. Филипп предложил ей в обмен на помощь по хозяйству бесплатно пожить у него, в домике лесника. Но Филипп совсем помешался на своих пчелах и аскетическом образе жизни. В конце концов помощь свелась к уборке, и вскоре

⁴ Морской клуб (фр.).

ей это надоело. Чуть позже Паскаль из бистро предложил ей питаться у него, также взамен на помощь. Но работать в бистро наскучило ей еще быстрее. К тому же ее стали утомлять командирские замашки Паскаля. Теперь, когда рядом с ней остались только Паскаль и Филипп, жизнь на острове уже не казалась такой интересной.

Мало-помалу Алиса стала чувствовать себя птицей, запертой в клетке. Она успела перезнакомиться со всеми, кто бывал на острове регулярно: с Рене и Лионелем — муниципальными работниками, отвечавшими за уборку мусора, с Джоселин, Северином, Томасом и Патриком, которые делили обязанности по музею. Выучила наизусть расписание паромов, ежедневно доставлявших сотни туристов, и однообразную болтовню старика Дамьена и других пенсионеров, коротавших дни в маленьких летних домиках. И скучала чем дальше, тем больше, а когда раздавался тройной гудок последнего парома, увозившего гостей острова, на нее накатывала настоящая тоска. Каждый день все повторялось. Каждый день происходило одно и то же. А ей хотелось, чтобы что-нибудь изменилось. Нет, нельзя больше здесь оставаться. Переезд сулил много проблем. Но она все еще не нашла, что искала. Пока не нашла.

Алиса время от времени делала глоток из чашки, затягивалась самокруткой и выдыхала дым в окно. Отсюда обычно можно было разглядеть яхты, стоявшие у пирса, но сегодня их скрывали дождь, лившийся из нависших туч, и поднимающийся над морем туман. День никак не хотел начинаться. Прошел чуть ли не час, прежде чем ветер разогнал серую пелену и проступили очертания яхт.

Алиса снова взглянула на дисплей мобильного телефона. Сообщений не было. Однако «Зефир» вместе с тремя другими яхтами, прибывшими за последние несколько дней, был на месте. Но никакого движения там не наблюдалось. «Кинг II», огромная белая яхта, томился в ожидании запчастей, а его владелец, бородатый мускулистый крепыш с тяжелой золотой цепью, гневно крича в мобильный телефон, нервно расхаживал туда-сюда по улочке, ведущей в глубь острова. На прочих яхтах — маленькой моторной братьев Мишле и элегантной парусной с названием «Мелоди», принадлежавшей семейству из Швейцарии, — не было заметно никакого шевеления. Братцы, очевидно, приходили в себя после обильных возлияний.

«Зефир» причалил вчера. Двухмачтовый 24-метровый кеч⁵, благородный старинный деревянный парусник 1914 года постройки, который Джеймс Лонгли приобрел в 2001 году у какого-то канадца по смешной цене, но в запущенном состоянии. За свою насыщенную событиями жизнь корабль прошел через руки нескольких владельцев и сменил не одно имя. Потратив долгие годы и целую кучу денег, Лонгли вернул паруснику первоначальный вид и имя, под которым его когда-то спустили на воду — «Зефир». Внутри судно было модернизировано, но дизайнеры позаботились, чтобы современная роскошь не противоречила изначальному стилю. Дизайн кают был продуман до мелочей. В каждой была

⁵ Тип двухмачтового парусного судна с косыми парусами.

предусмотрена отдельная ванная комната со встроенным туалетом. Теперь старинный парусник по уровню комфорта не уступал любой современной парусной яхте. Состоятельное английское семейство Лонгли проводило лето в резиденции в престижном каннском районе Ла Калифорния и время от времени пользовалась судном для вылазок в скрытые от посторонних глаз бухты. Иногда Джеймс Лонгли не отказывал себе в удовольствии нанять команду и поучаствовать в регате, но это случалось крайне редко. Большую часть времени изящная яхта простаивала в каннской гавани.

«Какая жалость, — рассуждал шкипер Жан-Луи Теольен, — что такой фантастический корабль принадлежит людям, которые используют его лишь для купаний и увеселительных прогулок». Но малейшая качка вызывала у Айры Лонгли приступ морской болезни, поэтому они выходили в море, лишь когда ветра едва хватало, чтобы надуть паруса. Будь его, Теольена, воля, он бы отправился на «Зефире» в кругосветное путешествие, но это был не его корабль. Впрочем, иногда он был готов считать его почти своим после стольких лет работы на семью Лонгли. Правда, теперь его шкиперский контракт заканчивался. Наниматели вчера утром вернулись в Лондон. Прежде чем отвести «Зефир» на судовую верфь на Ла-Сьоту⁶ для небольшого осмотра, Теольен захотел побаловать себя и команду небольшой спортивной регатой. Но дождь и шторм расстроили их планы, так что им пришлось бросить якорь на самом дальнем конце пирса у острова Сент-Маргерит, там, где

⁶ Французский портовый город на Лазурном берегу.

глубина была достаточной для парусника такого класса, и ждать лучшей погоды. Вечер они провели в бистро и снова выпили чуть больше, чем было нужно для хорошего настроения. По крайней мере, так показалось Теольену. Пробуждение давалось нелегко. Несколько раз он со стонами перекатывал свое мускулистое тело с одного бока на другой. С таким же успехом он мог бы сейчас ворочать многотонную глыбу. Пришлось напрячься, чтобы разлепить веки. Во рту пересохло, в горле першило: похоже он всю ночь пролежал на спине, оглашая окрестности богатырским храпом. Теольен с трудом оторвал прилипший к нёбу язык. Казалось, рот забит какой-то густой вязкой массой.

«Пора валить», — подумал он, но не смог пошевелиться. Тяжело дыша, все же принял сидячее положение. Это стоило ему немалых усилий. «Эх, старик, тебе же уже не двадцать», — упрекнул он себя и попытался вспомнить вчерашний вечер. Они травили байки, пили, смеялись, флиртовали с девчонкой в бистро, и кто-то все время заказывал выпивку. А чем еще заняться в такой дождь на острове? Экипажи других яхт были заняты тем же самым. По крайней мере, мужчины. Разумеется, швейцарское семейство не прельстила идея провести вечер в компании неотёсанных мужланов. Мадам быстро ретировалась, прихватив с собой сыночка, и вернулась на яхту. Но их шкипер тоже пил с ними в бистро. И все они бросали взгляды на девчонку. Интересно, кому вчера повезло? В какой-то момент он даже задумался, а не послать ли ему к черту эту регату. Улыбка, которой одарила его эта девчонка, Алиса, была стандартной. Так она улыбалась всем, кто заказывал выпивку. Внезапно

он почувствовал себя глупо и в какой-то момент просто ушел. Но к этому времени уже успел основательно надраться. Внутренний голос подсказывал Теольену, что он слишком стар, чтобы ухлестывать за молоденькой девушкой, и он поспешил утопить этот голос в роме. И не помнил, как попал в свою каюту. Он с трудом поднялся на ноги и застонал. О-ла-ла, да как же он нажрался! Такова прискорбная истина.

— Парни, пора отчаливать! — крикнул он, но звук получился слабым. Теольен прокашлялся и крикнул еще раз, теперь уже громче:

— Эй вы, лежебоки, свистать всех наверх, пора отчаливать!

Ответом ему была тишина.

Теольен неуклюже схватился за дверь каюты, случайно пнув голой ногой какую-то железку. Та скользнула по деревянному полу. Он с трудом нагнулся, нашел железку и сунул ее в карман. Это был его талисман. Образок святого Николая, который он всегда носил с собой. Он что, выронил его этой ночью? Когда? Он действительно ничего не помнил.

— Ой, ой, ой, — тихо простонал шкипер. День после пьянки — не самый лучший день в жизни.

— Матросы, подъем, нам пора! — крикнул он, открыв дверь соседней каюты и от изумления застыл на месте. Его брови взмыли высоко вверх. В небольшом помещении царил полумрак, и прошла пара секунд, прежде чем он сообразил, что открылось его глазам.

Он мог разглядеть только одного из матросов, лежавшего поперек нижней койки. Судя по всему, второй

бросил якорь у Алисы, подумал Теольен и подошел к еще спящему молодому человеку.

— Эй, Ланваль, — неуверенно сказал он. Мужчина был полностью одет. Он лежал на животе, прикрыв голову левой рукой. Теольен увидел светлые кудри и понял, что ошибся.

— Эй, Френе, — поправился он. Ведь на койке Ланваля лежал Себастьян Френе. Но где же Пьер Ланваль? Верхняя койка была пуста. Неужели он уже на палубе? Но Себастьян Френе по-прежнему не двигался.

— Видать, ты тоже вчера перебрал, мил-человек. Но ночь закончилась, пора просыпаться, давай вставай!

Теольен сделал еще два шага к спящему человеку, который и ухом не повел, и потряс его за плечо. И тут же удивленно отдернул руку.

— *Merde*⁷, что это еще за грязь?

Он почувствовал, что голой ступней угодил во что-то холодное, жирное, скользкое, да так, что чуть не поскользнулся. Теольен раздраженно посмотрел на ступню и обнаружил, что она вся в крови. Как его угораздило так порезаться, что натекло столько крови? Он совсем не чувствовал боли, но кровь была повсюду. В центре каюты, именно в том месте, где он стоял, натекла огромная лужа.

Когда он сообразил, чья эта кровь, то закричал: «Френе, о боже, Френе!» — схватился обеими руками за лежащего и перевернул его на спину. Молодой человек не подавал признаков жизни — тело его уже начало остывать. Зыбкий утренний свет, проникавший в каюту через иллюминатор, осветил пугающе белое бескровное лицо. Подбородок Френе был испачкан кровью. Кровь была

⁷ Дерьмо (фр.).